

ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: «БРИГАДА МАЯ»

УДК: 72.03(2)

ББК: 85.113

Идентификационный номер Информрегистра: 0421200020\0012

Квиринг Клаудиа

Ph.D (истории искусств),
куратор выставок в сфере истории архитектуры и искусства,
Германский архитектурный музей,
г. Франкфурт-на-Майне, Германия

Аннотация

Статья посвящена деятельности архитекторов «бригады Мая»¹ в СССР в годы первой и второй пятилеток. В статье раскрываются проблемы повседневной жизни и специфика работы иностранных специалистов. Автором привлечен широкий круг источников из архивов Германии и других европейских стран. Эти материалы впервые открываются российским исследователям.

Ключевые слова

Эрнст Май (немецкий архитектор), «бригада Мая», иностранные специалисты в СССР

Перевод с немецкого Е.В. Конышева, Л.В. Никитин

Франкфуртский архитектор Эрнст Май получил в 1930 г. от советского правительства предложение возглавить все поселковое и городское строительство в СССР². Согласие на это привлекательное и в содержательном, и в финансовом плане предложение привело к переезду Э. Мая в Москву в октябре 1930 г. Э. Май прибыл не один, а взял с собой 13 своих близких франкфуртских соратников, а также пригласил в команду новых архитекторов и строительных инженеров. Из франкфуртских коллег Э. Мая речь идет о Хансе Буркарте (Hans Burkart), Максе Фрюауфе (Max Frühauf), Вернере Хеббрандте (Werner Hebebrand), Вальтере Кратце (Walter Kratz), Хансе Ляйстикове (Hans Leistikow), Альберте Лёхере (Albert Löcher), Эрихе Маутнере (Erich Mauthner), Грете Шютте-Лихотски (Grete Schütte-Lihotzky), Вильгельме Шютте (Wilhelm Schütte), Вальтере Шульце (Walther Schultz), Вальтере Швагеншайдте (Walter Schwagenscheidt), Альберте Винтере (Albert Winter), Ульрихе Вольфе (Ulrich Wolf) и работавшем над проектированием Нового Франкфурта в статусе свободного архитектора Марте Стаме (Mart Stam). Несколько позднее прибыл еще Ойген Кауфманн (Eugen Kaufmann). В качестве новых сотрудников прибыли Антон Байер (Anton Bayer), Вильгельм Хаусс (Wilhelm Hauss), Карл Ланг (Carl Lang), Карл Леман (Carl Lehmann), Ханс Шмидт (Hans Schmidt) и многие другие, часть из которых и сегодня еще остаются неизвестными. Э. Май сообщает, что в период апогея его трехлетней деятельности в СССР он был руководителем более чем 800 сотрудников, около 100 из которых были иностранными специалистами [32].

Оглядываясь назад, Э. Май писал в 1963 г. о своих сотрудниках, что они «с внутренней убежденностью в правильности избранного пути отдавали все лучшее, чтобы поддержать мою работу. С полной отдачей многие из них в различных уголках земли, часто до глубокой ночи, трудились над решением важных задач, участвовали в составлении проектов и в конкурсах, и так их работа становилась частью моей» [29]. Как видели это сотрудники? Как складывалась их профессиональная деятельность и как она сказывалась на их частной жизни? Письма и фотоматериалы из различных архивных фондов и записанные личные воспоминания послужили источником для субъективного взгляда на жизнь иностранных специалистов.

Франкфурт как отправная точка

Мотивация, с которой отправлялись в СССР в качестве «иностранных специалистов» – все же далекая и реконструируемая страна, на языке которой они к тому же не говорили – проистекала из смещения недостаточных перспектив в Германии и наличия новых задач в СССР, из авантюризма и политических убеждений и, вероятно, также из гордости – быть нужным в команде Мая для решения новых грандиозных задач в совершенно новой системе. Из описания ситуации с работой во Франкфурте на примере трех коллег Э. Мая – Греты Шютте-Лихотски, Ойгена Кауфманна и Вальтера Швагеншайдта – становится наиболее очевидным последний пункт. Грета Шютте-Лихотски (1897 – 2000) с 1926 г. работала во франкфуртской бригаде Э. Мая. Наряду с технической и художественной разработкой помещений кухонь и прачечных, она также проектировала во Франкфурте небольшие типизированные сооружения для садово-огородных участков, детские сады и ясли, квартиры для работающих женщин и комбинированную мебель. Кроме того, она излагала в многочисленных докладах и публикациях идеи Нового Франкфурта.

Свою способность выдерживать связанную со всем этим тяжелую нагрузку Г. Шютте-Лихотски объясняла, оглядываясь назад, тем, что Э. Май оставлял своим сотрудникам в проектировании «в высшей степени свободные руки» и тем самым давал возможность получать радость от работы. Обнаружилось, что интенсивная жизнь и воодушевление от задач «каждому из нас придали такую силу, которую он сам едва ли в себе подозревал» [37]. Ойген (Карл) Кауфманн (1892 – 1984)³, руководитель отдела типизации у Э. Мая, высказывался в своих воспоминаниях следующим образом: шесть лет во Франкфурте были «без сомнения, кульминационным пунктом и самым наполненным временем в моей жизни! Я чувствовал себя действительно частью современного интернационального движения в архитектуре и городском планировании» [RIBA S. 191] [24]. И, наконец, Вальтер Швагеншайдт (1886 – 1968), который с 1928 г. был техническим и художественным руководителем «Gartenstadt AG» – акционерного общества, занимавшегося жилищным строительством во Франкфурте⁴, описывает совместную работу во Франкфурте следующим образом: «Из-за обилия задач Май не мог делать все сам, конечно нет; для этого он имел сотрудников! Но без Мая мы были бы беспомощной кучкой, ничего не свершившей. Май был локомотивом, он управлял и направлял» [39, S. 476].

К новым берегам: жизнь и работа в Советском Союзе

Маргарет Шютте-Лихотски приняла приглашение Э. Мая сопровождать его в СССР «с развивающимися знаменами» [37, S. 206–208]. Для нее это было желанным выходом из все больше заходившей в тупик ситуации во Франкфурте⁵, тем более, что она интересовалась политическими событиями в Советском Союзе. Ойген Кауфманн, уезжавший позднее, из письма Маргарет Шютте-Лихотски и ее мужа уже был хорошо информирован о том, что условия жизни и работы в Советском Союзе не всегда радужны. Через несколько месяцев после прибытия первой «бригады Мая»⁶ Кауфманн получил от Мая персональное приглашение последовать за ним [24, S. 179]. Хотя он и чувствовал себя польщенным, но информация от коллег и собственный опыт от общения с Маем заставляли его быть

Рис. 1. Жилой дом (Москва, Каретный переулок, 17), где жили иностранные архитекторы © Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main (Ernst-May-Archiv)

Рис. 2. Эрнст Май в рабочей поездке. 1931.
© Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main
(Ernst-May-Archiv)

прибыла в Москву в октябре 1930 года, кроме специалистов принадлежало еще некоторое число жен и детей, поскольку, как сообщал Швагеншайдт, «русские хотели, чтобы мы взяли с собой наши семьи, а также и мебель. Они хотели видеть, как немецкие архитекторы обставляют квартиры и как они живут. Это было для нас даже интересным» [39, S. 477]. Специалисты с их семьями сначала жили в гостиницах, но вскоре им были предоставлены квартиры в новостройке в Большом Каретном переулке. Каждую квартиру должны были делить две семьи (за исключением семей Мая и Буркхардта – у последнего было трое детей), что изначально было встречено «с вытянувшимися лицами», но сработало неожиданно хорошо [37, S. 215]. После начального периода, который Май характеризовал как «обретение привычки к икре»⁹, началась повседневная еда в столовой. С 1931 года за первой бригадой Мая в СССР последовали и другие архитекторы, большая часть из которых была отправлена через агентство по найму при советском торгпредстве в Берлине, причем новые работники не всегда

Рис. 3. Эрнст Май со стереокамерой. 1931.
© Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main
(Ernst-May-Archiv)

осторожным: «Я достаточно хорошо к этому моменту узнал Мая, чтобы отнестись к его словам со всей осторожностью»⁷. Он предпочел связаться непосредственно с советскими инстанциями и неожиданно получил, при содействии Мая, полностью оплаченную двухнедельную поездку в Москву для сбора информации и переговоров. В ходе этого визита в январе 1931 года он очень быстро понял: «Организация, в которой работали Май и его «коллектив», была своеобразной структурой. Она являлась подразделением Цекомбанка, который отвечал за финансирование всех великих строительных замыслов второго пятилетнего плана». Тем не менее, Кауфман решил на работу на Украине, в Донбассе, и подписал двухлетний контракт на должность главного архитектора во вновь образованной ветви московской группы Мая, получившей название Донбасстрой⁸. Он приступил к работе в мае 1931 года.

К первой «бригаде Мая», которая подходила для поставленных перед ними задач [7]. Из-за большого числа вновь прибывших вскоре не стало хватать мест в столовой, как описывала Ильзе Май [8], и поэтому стали все больше обособляться в своих отдельных комнатах. После опасений, что нужно будет жить в коллективном доме с минимальным индивидуальным пространством, подобное развитие событий принесло, вероятно, облегчение некоторым жильцам¹⁰. Еще находясь во Франкфурте, Май сообщал своему старому учителю Теодору Фишеру, что он не намерен «отрекаться от своей индивидуальности в пользу коллектива» [15].

Работали в двух залах, где сидели 50 архитекторов, инженеров, техников и чертежников. Но развернувшаяся там работа часто прерывалась длительными командировками на многие недели или даже месяцы, когда нужно было, обычно на поездах, отправляться к проектируемым

объектам. Май сообщал об этом: «Технология проектирования была такой, что я со своим штабом сотрудников должен был ехать в нашем спецвагоне до ближайшего пункта от места проектируемого города. Нас загоняли на запасной путь, и мы использовали наш спальный вагон как квартиру. Мы отправлялись осматривать местность на машине, повозке или санях – в зависимости от времени города и наличия подходящего транспорта» [16]. Для документирования и для того, чтобы передать своей семье впечатления о пережитом, Май делал во время поездок многочисленные стереофотографии. Эти фотографии, вернувшись в Москву, Май демонстрировал на проходивших в его квартире вечеринках с музыкой и танцами [33; 25, S. 154].

Однако случались и значительные временные задержки, обусловленные возможностью вагона перемещаться только по железной дороге, из-за чего Май сетовал: «Едва ли можно назвать железнодорожным сообщением то, что здесь происходит» [25, S. 154]. Несмотря на все нагрузки, он писал с воодушевлением: «дела здесь делаются, прямо-таки, шутя», в первый день запланировали, на следующий день рельсы уже положены [9].

Швагеншайдт сообщал об опыте работы на местах проектирования: «Нас повсюду с нетерпением ожидали начальники, руководители» [39, S. 478], а Май писал о дальнейшем ходе процесса: «В каком-либо помещении, которое было предоставлено в наше распоряжение – обычно это был зал заседаний местного Совета – мы вырабатывали общий набросок проекта [...] С помощью епископа, который мы всегда возили с собой, мы демонстрировали план на публичном собрании, а затем дополняли его на основании последовавшей дискуссии. После нашего возвращения в московскую штаб-квартиру, планы подробно прорабатывались [...] Мы часто работали по несколько дней подряд, лишь иногда отдыхая пару часов на походной кровати, подкрепляясь чашкой кофе или водкой»¹¹ [16].

Только большой энтузиазм позволял продержаться – Май говорил о «трудоёмком фанатизме» [9]. Но даже при этом нагрузка накладывала свой отпечаток на сотрудников. Так, например, Марилотта Майстер сообщала об Антоне Байере¹²: «Антон, бедняга, сейчас должен особенно много работать [...] Но он все еще выглядит хорошо [...] Тогда как на других сотрудников просто жалко смотреть» [4]. Фред Форбат и его жена после командировки в Магнитогорск были совершенно измотаны, также как Хедвиг Фельдман и Ханс Адлер, когда они вернулись из поездки в Таджикистан, а на Хайнриха Эггерштедта, сотрудника Мая в Магнитогорске, так подействовали изнуряющие условия, что он попросил перевести его в Москву¹³ [25, S. 163].

Некоторую компенсацию обеспечивали дачи, куда архитекторы – в полном соответствии с русскими обычаями – отправлялись при каждом удобном случае, особенно жаркими и пыльными летними месяцами, начиная с середины мая. В конце августа они снова возвращались в город¹⁴ [8]. Но и зимой дачи пользовались очевидной популярностью. Так, Антон Байер сообщал, что они часто бывали на даче Швагеншайдта и там,

Рис. 4. Осмотр места проектирования (справа – Э. Май). Тырган. 1931.
© Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main (Ernst-May-Archiv)

Рис. 5. Группа проектировщиков Нижнего Тагила (второй слева – Антон Байер). 1932.
© Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main (Ernst-May-Archiv)

Рис. 6. На пикнике с членами местного Совета (вторая слева – Ильзе Май, справа – Карл Леманн). Ленинанкан. 1932.
© Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main (Ernst-May-Archiv)

в занесенном снегом ландшафте, было «сказочно прекрасно» и можно было бы делать «самые китчевые открытки» [5].

В то время как Ильзе Май не работала и чаще всего оставалась в Москве, другие жены сопровождали своих мужей к местам проектирования¹⁵. Лотта Стам-Беезе, которая работала в проектно бюро треста¹⁶, подробно сообщала в июне 1931 г. об обстановке в Магнитогорске¹⁷ [10]. Она была воодушевлена: «Мы жили здесь как одна большая семья – Котуры, Винтеры и мы [...]». Финансовые трудности, из-за которых многие отказывались в будущем от возобновления контракта, звучат у нее только фоном, когда она отмечает, что они не получили ни зарплаты, ни «командировочных» и поэтому (а также из-за однообразного питания) не ели в столовой, а готовили сами. Они жили в «Американке», в привилегированном поселке под Магнитогорском, который первоначально был построен для американских специалистов. Туда они могли сбежать от грязного и пыльного городского воздуха. Ее замечание «так свободно, как дома» указывает на существовавшие

опасения, что все могло быть по-другому, а так имелась причина радоваться: «Действительно, я еще нигде так прекрасно не жила» [10]. О работе она пишет менее восторженно, но с пониманием масштаба задач: «С работой все в порядке; здесь есть большие трудности, но где их нет [...] Панамский канал тоже строился не без седых волос! [...] Я думаю, здесь нужно работать с тем, что есть, с тем, что доступно, и при этом стараться достичь того, чтобы условия работы в отдаленном будущем, возможно, приблизились к европейским» [10]. Она была готова внести свой вклад: когда продовольственное снабжение вскоре ухудшилось, она, как член «комиссии по устранению недостатков», была рада, что сможет этому противостоять¹⁸ [10].

Май также не позволял себе сбавлять темп, хотя к этому времени трудности стали очевидными. В июне 1931 года он прочитал в Берлине пафосный доклад о городском строительстве в СССР, после чего к нему обратилось много архитекторов, которые хотели внести свой вклад в великую работу, описанную им¹⁹. После реорганизации треста он попытался, как уже делал это во Франкфурте, «достучаться» до ответственных лиц и попросил в письме к Сталину об аудиенции, чтобы рассказать ему о проблемах и путях их решения²⁰ [1].

Приближение конца

Однако через несколько месяцев организационные структуры стали совершенно непонятными для Мая и его сотрудников, а реорганизация не принесла реальных улучшений. Контракты больше не обладали обязательной юридической силой [28]. Кауфманн, приехав в Москву в апреле 1931 года, обнаружил, что никто в Москве не знал, на какой работе его предполагалось задействовать. Его коллеги беспокоились о том, какое положение он займет: «Группа Мая была включена в новую структуру, и мои друзья задумывались о том, подтвердит ли новая организация те условия, на которые я согласился раньше». Однако Кауфманн успокаивал себя той мыслью, что коллеги смотрели на ситуацию слишком мрачно, и что Май все еще может добиваться того, чего хочет [24, S. 198]. Кауфманн описывал бюро как муравейник, в котором никто не знал, какой будет его задача [24, S. 199]. Хорошо, однако, было то, что совсем недавно прояснилась строительная программа на текущий год. Уже на следующий день после скромно отмеченной встречи, он и другие сотрудники приняли участие в первомайской демонстрации как группа иностранных специалистов (в белых рубашках, в серых брюках и с серыми бабочками, неся камеры); он описывал часы, проведенные на этом шествии,

с энтузиазмом: «Там были самые разнообразные группы в причудливых одеждах, как в Германии на карнавале [...] – в этом нет никакого перебора и это никогда не надоедает!» [24, S. 200 – 202]. Вскоре работа привела Кауфмана на целый год в Харьков, где новые рабочие размещались в построенных наспех домах, лишенных практически всего необходимого. Он описывал Макеевку, в которой бывал несколько раз, как «заброшенное [...] совершенно адское место» [24, S. 211]. Он отработал оставшуюся часть своего контракта в Москве до 1933 года, когда, опасаясь антисемитских преследований из-за своей иудейской веры, принял благоразумное решение не возвращаться в Германию, а эмигрировать в Англию²¹.

С немецкой стороны интерес к работе в СССР был всегда велик. В качестве ответа Май опубликовал заметку в журнале «Bauwelt»: «Каждый день я получаю новые запросы о возможности устроиться на работу в России. У меня нет технической возможности ответить

на все эти запросы. Поэтому я буду благодарен, если вы опубликуете в «Bauwelt» эту небольшую заметку, в которой мне бы хотелось поблагодарить за заявки всех, кто их подавал. В настоящее время нет возможности нанимать иностранных специалистов. К сожалению, я не могу отдельно ответить на каждый из двух с лишним тысяч запросов, полученных мной. Мы уже отобрали несколько человек на тот случай, если прием на работу возобновится» [30, S. 542]. Байер также попытался найти в тресте места для двух своих родственников или знакомых, но и он тоже написал: «В нашем тресте теперь уже нет больших перспектив, поскольку он переполнен иностранцами. Трудности с жильем также играют большую роль» [5].

В январе 1932 года окончательно выяснилось, что розовые времена прошли. Май был удивлен, когда получил извещение об увольнении; оно в итоге было отозвано, но заменено на контракт с сокращенной зарплатой²². В письме Антона Байера, датированном мартом 1932 года, содержится любопытная оценка ситуации: его жена, Марилотта Байер, которая занималась в тресте корреспонденцией Мая, может быть уволена, «поскольку Май больше не является главным инженером и теперь там уже не так много немецкой корреспонденции. Май сейчас работает начальником отдела градостроительства. Но это может измениться в любой день. На самом деле это, прежде всего, вопрос его высокой зарплаты. И поскольку наш трест невероятно большой, и поскольку в нем царствуют многочисленные проблемы (нехватка материалов и т.д.), это очевидный вопрос для каждого, кто хочет указать на недостатки (а сам Май, несмотря на все это, всегда хочет быть большой шишкой). Но, поскольку у них нет никого получше, не столь уж невероятно, что он опять сможет стать главным инженером»²³ [6]. Последнее так никогда и не произошло. Еще в январе 1933 года Ильза Май писала, что ее муж всецело поглощен «борьбой», поскольку

Рис. 7. Первомайская демонстрация в Москве. Фото Э.Мая.

© Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main (Ernst-May-Archiv)

Рис. 8. Столовая в Москве. 1931. Фото Э. Мая.

© Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main (Ernst-May-Archiv)

Рис. 9. Рынок в Москве. 1931. Фото Э. Мая.
© Deutsches Architekturmuseum,
Frankfurt am Main (Ernst-May-Archiv)

в московской тюрьме по обвинению в шпионаже²⁶ [20]. Ханс Ляйстиков некоторое время оставался в Советском Союзе вместе со своей женой, ювелиром Эрикой Хаберман, и продолжал работать в градостроительном тресте Стандартжилстрой. Кроме того, в 1933 – 1937 гг. он работал в театре Мейерхольда как декоратор, художник по костюмам и рекламным афишам, а также в издательстве для иностранных рабочих [19]. В августе 1937 года он не смог получить новый вид на жительство и был вынужден покинуть страну во время «сталинских чисток». Грета Шютте-Лихотски вместе с мужем оставалась в Советском Союзе до 1937 года. Они работали в различных трестах, пока в августе 1937 года и у них не истек срок действия паспортов, после чего им пришлось уехать из страны. То же самое произошло и с Хансом Шмидтом. Вернер Хебебранд после отъезда Мая продолжал работать в Народном комиссариате тяжелой промышленности и Народном комиссариате здравоохранения, создавая проекты городов, больниц и поселков. В 1936 году он безуспешно пытался получить советское гражданство, «решительно заявляя о своем нежелании возвращаться в фашистскую Германию» [20]. После ареста в 1937 году, в 1938-м он был депортирован.

В данной публикации было возможно бросить только краткий взгляд на «бригаду Мая», для которой с 1933 г. постепенно стало заканчиваться великое приключение, которому многие старые и новые сотрудники, отчасти очень наивные, воодушевленно отдались. Оно принесло много новых впечатлений от заманчивого другого мира, фантастического опыта путешествий и великого чувства общности, но также создало тяжелый физический и психологический груз для «бригады Мая», которая затем оказалась разбросанной по свету.

Многие вопросы о работе и жизни иностранных специалистов в СССР и до сегодняшнего момента еще остаются открытыми. Дальнейшее исследование может ответить, прежде всего, на вопрос о многообразных контекстах (общественно-политических, институциональных, архитектурно-теоретических, концептуально-градостроительных, историко-планировочных, равно как и биографических и повседневных) этого исторического, единственного в своем роде, трансфера идей «Нового строительства» обществу Советской России.

¹Данный текст представляет собой переработанную и сосредоточенную на советской фазе редакцию моей более обширной статьи из каталога выставки «Эрнст Май. 1886 – 1970», состоявшейся в Германском архитектурном музее (ДАМ; Франкфурт-на-Майне) в 2011 г. [36].

²Более подробно см.: [31].

³Ойген Кауфманн эмигрировал в 1933 г. в Лондон и, опасаясь проблем из-за немецкой фамилии, с

этого момента и на протяжении всей своей жизни в Англии называл себя Cousins (Eugene Charles) Kent. Поскольку в данной статье внимание сосредоточено исключительно на периоде до 1933 г., мы будем употреблять изначальное имя – Кауфманн.

⁴Май предлагал Вальтеру Швагеншайдту должность в 1928 г., когда он был педагогом в техническом училище в Оффенбахе. См.: [39, S. 475]. О Швагеншайдте см. также: [34].

⁵Настроение во Франкфурте она характеризовала как «уныло-кризисное».

⁶Рабочая группа стала называться в СССР бригадой. В дальнейшем под «бригадой Мая» не понималось, однако, точно определенной команды.

⁷Точно об этом опыте ничего не известно. О дальнейших взаимоотношениях см.: [24; S. 179–183, 193].

⁸«Суть этого договора была в том, что меня принимали на работу на руководящую должность и с соответствующим персоналом или в Москве, или в провинции, например на Украине, чтобы в регионах, где в рамках второго пятилетнего плана происходило или должно было произойти запланированное индустриальное преобразование, вырабатывать новые концепции поселкового и жилищного строительства, и курировать их осуществление» [24; S. 193].

⁹«Население живет скудно, хотя и не страдает от нужды. Напротив, становится почти неловко, хорошо обеспечивают иностранцев. В специальных магазинах можно покупать великолепнейшие вещи. Мой штаб в настоящее время проходит курс обретения привычки к икре». Так Май сообщал 16.10.1930 из Москвы обер-бургомистру Франкфурта Людвигу Ландманну [21].

¹⁰Так, Швагеншайдт сообщал, что некоторые жены архитекторов были очень довольны [35, S. 42].

¹¹Кауфманн позднее сообщит, что эта аппаратура не работала, поэтому ему приходилось делать не очень эффективные доклады, используя в качестве иллюстраций только синьки [24, S. 212]. Графическое оформление планов делал Ханс Ляйстиков, который, по-видимому, также занимался и писательской деятельностью: Лотта Стам-Беезе сообщала, что читала его книгу «Во дворце микробов» [10].

¹²Антон Байер (1906 – 1992), ученик Швагеншайдта, также решившийся в июле 1931 г. отправиться в Москву. Уже две недели спустя он сидел в вагоне поезда до Москвы [2]. Марилотт Майстер была гражданской женой Антона Байера. Они официально поженились в марте 1932 г. в Москве.

¹³Хайнрих Эггерштедт (1904 – 1945), который в 1931 г. по приглашению Рюгенберга успешно добился места сотрудника у Мая, из-за больших нагрузок оставался в Магнитогорске только до зимы 1931/32 гг. и потом работал в Москве до декабря 1932 г. [42, S. 173–177].

¹⁴Так описывала Ильзе Май в письме своей матери 16.09.1931 пребывание на даче [8]. Также и Ойген Кауфманн вспоминал: «[...] светит солнце, так что каждый пытается спастись в очень жаркие месяцы от невыносимой жары в Москве. Почти все мои коллеги уже сняли дачи, в которых они хотят жить с середины мая. В этой связи они уже подумали и обо мне. Я могу, по крайней мере, до 15 июля занять комнату в жилище, арендованном Шульцем и семьей Шютте [24, S. 200].

¹⁵Марилотт Байер сопровождала своего мужа в мае 1932 г. в Нижний Тагил [3], и жена Фреда Форбата отправилась в Магнитогорск, чтобы готовить для него и для Мая [26, S. 161/162].

¹⁶Маргарет Шютте-Лихотски сообщала, что Лотта Стам-Беезе работала в издательстве для иностранных рабочих [38, S. 28]. Неясно, означало ли это другую или же дальнейшую деятельность [40].

¹⁷Очевидно, в это время в Магнитогорске находились также М. Фрюауф и его жена.

¹⁸Здесь цитируется текст, добавленный 23.6.1931 в конце письма [10].

¹⁹Как, например, Хедвига Фельдманн, которая на самом деле хотела это реализовать, и была включена в новую структуру [14].

²⁰За эту ссылку я благодарю Koos Vosma.

²¹Шмидт сообщал о том, что его несправедливо обвинили в плохой работе и на основании этого он был уволен [41, S. 382]. Сам Кауфманн ничего об этом не говорит.

²²См. подробнее об этом: [31].

²³Он сообщает также: «[...] Сейчас я работаю по вечерам и выходным, так как работа должна быть закончена к определенному сроку. (Я занимаюсь сейчас городским строительством, чтобы быть готовым к возможному переводу)». Также Кауфманн называл Мая «большим болтуном» [17].

²⁴Из письма И. Ремеле 18.3.1933. из Москвы Корнелиусу ван Эстерену: «К сожалению, ситуация с иностранными архитекторами, работающими здесь, недавно значительно ухудшилась. Перерывы в работе, урезание валютных и рублевых зарплат, рост цен на продукты и снижение их норм заставило многих вернуться домой» [22]. Я благодарю Даниэля Вайса за эту ссылку.

²⁵После этого и другие сотрудники склонялись к отказу от продления своих контрактов. Ульрих

Вольф позднее объяснял, что он вернулся в Германию из-за неприятия тотальной власти правящей партии [27]. О планах относительно Африки см.: [13].

²⁶Пока Хебебранд находился в тюрьме, его сын Карл жил у Ляйстикových, которые посоветовали его жене немедленно покинуть страну (информация Шарлотты Хебебрандт, сообщенная автору в электронном письме от 10.2.2011).

Библиография

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 775. Л. 69-70. Письмо Э. Мая И. Сталину от 7.9.1931.
2. Besitz Thomas Bayer, Müllenbach. Postkarten vom 3. und 16.7.1931.
3. Besitz Thomas Bayer, Müllenbach. Brief von Anton Bayer an seine Eltern aus Nižnij Tagil. 1932.
4. Besitz Thomas Bayer, Müllenbach. Brief von Marilott Meister an Anton Bayers Mutter vom 14.11.1931 aus Moskau.
5. Besitz Thomas Bayer, Müllenbach. Brief von Anton Bayer an seine Mutter vom 7.1.1932 aus Moskau.
6. Besitz Thomas Bayer, Müllenbach. Brief von Anton Bayer aus Moskau an seine Eltern vom 9.3.1932.
7. Deutsches Architekturmuseum (DAM). 160-902-013. Brief von May an seine Frau vom 11.2.1931.
8. DAM. 160-902-013. Brief von Ilse May an ihre Mutter vom 16.9.1931.
9. DAM. 160-902-013. Brief von May an seine Frau vom 24.2.1931.
10. DAM. 160-902-013. Brief von Lotte Stam-Beese an Ilse May vom 6.6.1931 aus Magnitogorsk.
11. DAM. 10-902-015. Brief von Ilse May vom 26.1.1933 an ihre Eltern.
12. DAM. 160-902-013. Brief vom 23.6.1931.
13. DAM. 160-902-015. Brief vom 26.3.1933 an Ilse Mays Mutter.
14. DAM. 160-092-41. Brief von Hedwig Adler (vormals Feldmann) an May vom 11.3.1959.
15. Deutsches Kunstarchiv im Germanischen Nationalmuseum Nürnberg (DKA), I,C-193. Brief Mays an Theodor Fischer vom 5.8.1930.
16. DKA, I,B-1. Vgl. Ernst May «Vom Neuen Frankfurt nach dem Neuen Rußland» // Frankfurter Zeitung, 30.11.1930, S. 1.
17. Eidgenössische Technische Hochschule (ETH), Zürich, gta, 42-St_1/10 A. Ton-Interview Kaufmann/Steinmann. Zürich, um 1972.
18. Institut für Stadtgeschichte, Frankfurt am Main (ISG), PA Werner Hebebrand 16.762.
19. ISG, PA Hans Leistikow 205-749, Lebenslauf.
20. ISG, PA Werner Hebebrand 16.762. Fragebogen Military Government of Germany.
21. ISG, PA 17895.
22. Niederländisches Architectuurinstituut Rotterdam (NAI). Eest IV 226.
23. Privatbesitz. Adler und Feldmann: Brief Magdalena Langs an ihre Eltern vom 18.5.1932.
24. Royal Institute of British Architects Collection (RIBA) Collection, London, Memoirs of Eugene Kent, KeE/1.
25. SMA, Fred Forbat Collection. Fred Forbat, Erinnerungen eines Architekten aus vier Ländern (unveröffentlicht).
26. SMA, Fred Forbat Collection. Brief Mays aus Moskau vom 29.8.1933 an Fred Forbat.
27. Stadtarchiv Düsseldorf. Personalakten. Personalakte Wolf, 0-1-5-72076.0000.
28. Коньшева Е.В. Европейские архитекторы на стройках первых пятилеток (в аспекте повседневности) // Архитектон: известия вузов. 32/2010. URL: http://archvuz.ru/2010_4/9 (посещение 8.4.2011).
29. Buekschmitt J. Ernst May. Bauten und Planungen. Stuttgart 1963. S. 157.
30. Ernst May schreibt uns aus Moskau // Bauwelt. 1931. № 16.
31. Flierl T. Vielleicht die größte Aufgabe, die je einem Architekten gestellt wurde. Ernst May in der Sowjetunion (1930-1933) // Claudia Quiring, Wolfgang Voigt, Peter Cachola Schmal, Eckhard Herrel (Hrsg.): Ernst May 1886-1970. München, London, New York 2011. S. 156-195.
32. May E. Städtebau in der Sowjetunion // Das neue Rußland. 1932. № 1-2. S. 29.
33. May E. Vom «Neuen Frankfurt nach dem Neuen Rußland» // Frankfurter Zeitung. 30.11.1930. S. 1.

34. Preusler B. Walter Schwagenscheidt. 1886–1968. Stuttgart, 1985.
35. Preusler B. Walter Schwagenscheidts städtebauliche Tätigkeit in der UdSSR, 1930–1933 // Archithese. 1984. № 5. S. 42–45.
36. Quiring C. Vom «Karpfenteich» zur «Kaviargewöhnungskur» – Einblicke in das Leben von Mays Mitarbeitern in Schlesien, Frankfurt und der Sowjetunion // Claudia Quiring, Wolfgang Voigt, Peter Cachola Schmal, Eckhard Herrel (Hrsg.): Ernst May 1886-1970. München, London, New York 2011. S. 131-155.
37. Schütte-Lihotzky M. Warum ich Architektin wurde. Salzburg 2004. S. 123, 190.
38. Schütte-Lihotzky M. Erinnerungen aus dem Widerstand 1938–1945. Berlin-Ost, 1985
39. Schwagenscheidt W. Glückliche Jahre der Arbeit mit Ernst May // Baukunst und Werkform. 1956. № 9. S. 474–479.
40. Stam-Beese Lotta, 1903–1988. Dessau, Brno, Charkow, Moskau, Amsterdam, Rotterdam. Rotterdam, 1993.
41. Suter U. Hans Schmidt. Architekt in Basel, Moskau, Berlin-Ost. Zürich, 1993.
42. Voigt W. Fortsetzung oder Ende der Moderne? (I) // Deutsches Architektenblatt. 1987. № 12. S. 173–177.

Статья поступила в редакцию 06.02.12

HISTORY OF ARCHITECTURE

FOREIGN EXPERTS IN THE SOVIET UNION: «MAY'S TEAM»

Quiring Claudia

PhD (History of Art), Curator of History, Architecture and Art Exhibitions,
German Architecture Museum,
Frankfurt-am-Main, Germany

Abstract

The article is devoted to the activities of the architects who made up "May's team" in the USSR during the first and second five-year periods. It describes their daily lives and professional challenges. In 1930, the Frankfurt architect Ernest May and his colleagues arrived in the USSR, having responded to the invitation of the Soviet government for a variety of reasons. They had been inspired by the grandiose urban design and construction challenges and creativity prospects. But they found themselves in absolutely unfamiliar working and living conditions. They had to work in big international teams with a mix of professional qualifications and creative views, go on weeks and months-long business trips to remote places in Russia and overcome various obstacles, exhausting workloads and «labour fanaticism». They were surprised by the Soviet lifestyle with its collectivism, financial difficulties and social contrasts, shared flats and barracks, labour enthusiasm and ideological holidays. The architects had to go through transformations in the attitude towards foreign experts in the USSR – from flattering admiration to condemnation and political prosecution. In 1933 – 1937 Ernst May and members of his team had to leave the USSR, voluntarily or involuntarily, full of different, often contrasting impressions about life and work in the world that appeared unusual to them.

Key words

Ernest May (architect), «May's team», foreign experts in the USSR